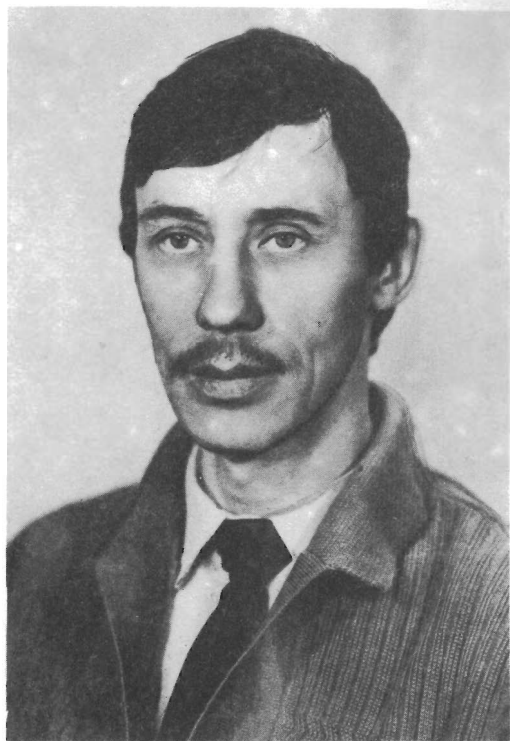

84Р7
Д. 11 -4РБ

ВИКТОР КОВРИЖНЫХ

Я,
наверно,
родился
не зря

+20 0

ВИКТОР КОВРИЖНЫХ

Я, наверно,
родился
не зря

Стихи

Кемеровское
книжное издательство
1990

84.3P7
K 56

Редактор В. М. Баянов

Художник Е. Ф. Зайцев

Коврижных В. А.

K56 Я, наверно, родился не зря: Стихи / В кассете «Я знаю, что так не бывает...» Предисл. В. Махалова. — Кемеровское кн. изд-во, 1990, 63 с.

ISBN 5—7550—0125—1

ISBN 5—7550—0179—0

Уроженец Сибири, Виктор Коврижных живет в одном из поселков г. Белово — там, где родился, — и работает на угольном разрезе «50 лет Октября». Стихи публиковал в городских и областных газетах, журнале «Смена» (Москва), альманахах «Литературный Кузбасс», «Истоки» (Москва).

K 4702010202—32 **90**
M 145(03)—90

84.3P7

ISBN 5—7550—0125—1

ISBN 5—7550—0179—0

© Коврижных В. А., 1990

О ЧЕМ ТРЕВОЖИТСЯ ДУША?

Признаюсь, я всегда без особого доверия относился к поэзии, да и к прозе тоже, воспевающим труд в самом производственном его изначале. Мне это чем-то напоминало приснопамятные радиорепортажи расторопных журналистов с мест, где «делался план», с позвякиванием гаечных ключей, шумом моторов станков и уханьем мощных кузнечных молотов. Человек в таких репортажах, да и в литературных произведениях тоже, как правило, был подавлен и погребен под холодными обломками металла, под грудой качественной и бракованной готовой продукции.

Даже такому своеобразному поэту, как Александр Балин (кузнец по первой своей профессии), который гранил свое слово в горниле огня и металла, на мой взгляд, постоянное обращение поэзии к делам кузнечным помешало развиваться в большого поэта и занять более достойное место в советской поэзии.

Возможно, я буду чересчур субъективен, проводя параллели между молодым начинающим поэтом Виктором Коврижных и зрелым мастером Александром Балиным, но разговор о творчестве автора этой небольшой книжечки мне хотелось бы начать именно с этого.

Виктор Коврижных — человек несомненно одаренный. Это было заметно уже по его первым стихам, которые он лет шесть-семь назад вынес на суд областного семинара молодых литераторов. Его сразу заметили. Но, мне кажется, тогда он получил несколько завышенную дозу похвал. Его называли чуть ли не самым главным открытием

семинара. И хвалили Виктора в основном за то, что он «глубоко прочувствовал рабочую тему», «показал изнутри человека-труженика» и т. п.

Ну, а как он мог не прочувствовать эту тему, если сам был глубоко рабочим человеком во всей своей истинности и определенности? Машинист крана, «укротитель ди-зелей», а если надо, то и тракторист, и жнец, и косец, и на дуде игрец. А к остальному — типа там разных гуманитарных дел — он имел самое приблизительное отношение. Разве что стихи? Так они — все о кранах, о гайках, о ди-зелях и магнитных плитах. Правда, из-за этого антуража и человек живой нет-нет да выглядывал. А это уже кое-что. Наведи хотя бы малый порядок в своей поэтической горнице, и можно с такими стихами в издательские двери стучаться. Примерно так ему и говорили на первом в его жизни литературном семинаре. А вот о вопиющей засоренности и однообразности его стихов как-то всерьез разговор не клеился. Его как бы отложили до следующего семинара...

Да, видно, был Виктор Коврижных не из слабых парней. Да и смекалки и внутренней выдержки ему хватило. Осмотрелся, пригляделся что к чему да и ринулся на нелегкую выучку новому ремеслу. Даже с любимого крана на время ушел, набирался умения и грамоты в городской газете, грыз гранит книжных премудростей, учился работе над одним из самых сложных жизненных материалов — над словом.

Прошло несколько лет. Мне, знающему молодого поэта с первых его творческих шагов, можно судить, насколько окреп его почерк, какие горки и перевалы смог он преодолеть за это сравнительно короткое время. Заметно глубже и пристальней стал взгляд поэта, и видеть он стал дальше и шире. И хотя по сей день еще не может он до конца освободиться от юношеского, я бы сказал, в чем-то принудительного оптимизма, которым все мы когда-то перестрадали, но в стихах его из заронен-

ного когда-то зернышка сомнений в неоднозначности человеческого труда:

Когда герою приз вручали
За перевыполненный план,
То под породой кричали
Кусты, деревья и бурьян...

(«Стихи о передовом машинисте экскаватора»)

выросли гражданская боль и тревога за день сегодняшний и будущий:

...Он размышлял: кому доверить
бесценный дар земли своей...
Вручил в уверенные руки,
кивнув на сумрачную даль.
И целый край обрек на муки,
на славу, гордость и печаль.

(«Стихи о первооткрывателе кузнечных углей
Михайле Волкове»).

Чувствуешь, дорогой читатель, временную, духовную и материальную связь между двумя приведенными отрывками из стихов? Если в первом отрывке только догадка о будущих земных трагедиях, вызванных бездумным покорением матери-природы, то во втором случае — осознанный, философский и глубоко человеческий взгляд на явление. Под последними строками Виктора Коврижных мог бы подписаться любой крупный поэт современности.

Случилось самое главное в творчестве поэта. В его душу проникли тревога и боль за все сущее на земле. С этого начинается подлинный поэт. Что скажет и принесет Виктору Коврижных день завтрашний? Давайте не будем об этом гадать, а попросту благословим в трудную дорогу хорошего и одаренного человека и будем надеяться, что он принесет добро и пользу людям.

Валентин Махалов

Пой мне, дудочка зеленая, играй!
Снова сумерки сиренью зацветут.
На дорогу выйдет августовский май,
уведет меня задуматься на пруд.

Под водою зазвонят колокола,
замерцают звуки бликами в воде.
В дом заветный на окраине села
постучится сон о счастье и звезде.

Я волшебные слова произнесу,
черт знакомый мне откликнется в лесу.
(Черт — полезное желание, и он
будет мною от гонений защищен.)

Завораживая сумерками кровь,
ночь вольется речью медленною в стих.
Напоит слова живой водой Любовь,
и светлей, наверно, станет мир от них...

Пой мне, дудочка зеленая, во мгле —
необъятное в объятьях оживет,
невозможное возможно на земле,
пока дудочка зеленая поет.

Кран доверили мне заводчане!
Новый кран свежей краской сиял!
Вот таким он мне снился ночами,
о таком я все время мечтал.

Говорил мне начальник дорожный,
от кабины вручая ключи:
— Заводи, да смотри, осторожней,
осмотришь, блокировку включи...

Края неба душою касаясь,
я с ключом, словно с орденом шел.
Мне весь мир улыбнулся, и зависть
я в глазах у рабочих прочел.

...Я с ботинок соскабливал глину,
лез в кабину, и руки тряслись.
А всего-то: ключи от кабины
да стрела, устремленная ввысь.

Своего я отыскивал бога
вечерами за Лысой горой.
Уводила в туманы дорога,
окрыляя высокой тоской.

Там зеленая дудка играла,
там мерцал одинокий огонь,
там какая-то птица летала
и садилась ко мне на ладонь.

Мне мерещились тайные знаки,
чей-то голос спускался с высот.
Я за голосом крался во мраке
и записывал речи в блокнот.

Но однажды, когда я в пределах
этих шлялся,— растаял туман
и две женщины в черном и белом —
привели, указали на кран.

...Рычаги его к сердцу приблизил,
но инструкциям всем вопреки
пел высокою дудкою дизель,
откликались вдали огоньки...

ДЯДЯ МИША

Трогая плечо мое легонько,
виновато глядя, скажет мне:
— Слушай, Вить, давай возьмем вагончик,
что он зря ржавеет в стороне...

Дядя Миша — слесарь по ремонту,
чуть чудаковатый и седой.
А еще он — воевал на фронте,
у него есть орден боевой.

Он порой наивен и туманен,
но зато в моторах знает толк.
У него — комплект ключей в кармане,
а в другом кармане — молоток...

Я давно пишу о дяде Мише,
перед ним я в чем-то виноват.
Он теперь меня уже не слышит:
дядя Миша умер год назад.

Мучаюсь над строчками в печали,
возвращаю прошлое назад.
И в меня из дальней-дальней дали
смотрят дядимишины глаза.

Трогает плечо мое легонько,
виновато глядя, говорит!..
И стоит в глазах моих вагончик,
в нем — с ключами плащ его висит...

РАБОЧИЙ

**Он был: идеи пьедестал
и главный корень жизни.
Он на плечах своих держал
индустрию Отчизны.**

**Он твердо знал, чего хотел,
чертал в пространстве смело
размахом замыслов и дел
границы и пределы...**

**Когда я руки пел его,
выкладывая душу,—
взлетал я к небу высоко
и он мой голос слушал.**

**А там, в рабочих небесах
я видел: нет свободы,—
держали небо корпуса
промышленных заводов...**

**Но был мой голос кумачом
над грохотом вагонов!
Я строго следовал во всем
придуманым законам.**

**Восславил свет его огня!..
И он в железном доме,
как птицу, бережно меня
кормил в своих ладонях.**

**Но в час таинственных зарниц,
когда не до веселья:
скликал к руке высоких птиц
из выси запредельной...**

Доплывет до полей тихий запах полей
и забрезжат далеким трав и кусты.
И душа от ветров и небес голубины
вдруг замрет от предчувствия высот.

Длись, мгновенье!..

Исходят проталины
вижу, как прорастают из почвы лучи
И сугроб облаков набухает грозою,
только тронь — и обрушатся громом.

Раскачались под ветром грачиные г
ясным светом округа мне в очи гляд
На березовых почках настоящий в
И неясная песнь созревает в груди.

В Мамонтово,

у пионерского лагеря,
под четвертой сосной от обочины
чьи-то ладони мне волосы гладили,
а синий свет целовал мои очи...
Возможно, мне это приснилось... Возможно...
Но помню, что в эти часы под сосною
дудка играла так странно-тревожно,
что я не понимал, что творилось со мною.
Откуда взялась эта дудка? — не знаю...
Возможно, придумал я эти высоты.
Но голос спускался, ознобом касаясь,
и ввысь уходил на обветренной ноте.
Был голос у дудки высок и печален,
был голос созвучен с неведомой волей.
Казалось, меня кроны сосен качали,
приятно и зябко иголки кололи.
Сочилась звезда апельсиновым соком,
дымилась трава у подножья плотины,
а пруд серебрился овальной картиной,
дрожало в воде отражение согры,
казалось, что к небу уходят опоры,
вот рвут провода, вот взлетают протяжно
и мечутся блики далекой эпохи,
перекликаясь росинкою каждой!
Плыла над плотиною женщина в белом,
плыла, исчезая за весельной будкой,
и сердце мое изнывало и млело,
и снова стеноло горошиной в дудке!..

Меня не поймут... Ну и пусть! — безразлично!
Я вижу следы этой дудки сквозь годы:
заброшенный дом, перестук электрички,
река Керулен под седым небосводом,
вот хрупкая ящерка на горелой поляне —
изумрудной подвеской на бархате черном,
вот темные лодки на северной Яне,
беловская улочка в честь Пугачева,
вот гроб из январской метели и стужи,
обитый неловко суровой рогожей,
в нем бабочками

смех

заморожен...

.

Эта роща у самой запруды,
эта в сумерках летних вода
в кровь войдут, и на миг позабуду:
для чего я, зачем и куда?
Но проступит полынь по откосам,
имя родины вспыхнет в крови.
Ночь простится и выплечет росы
в честь рождения новой любви...

Распустилась ранетка накануне снегов —
осень поздним теплом объегорила древо.
На упругих ветвях — россыпь белых цветков
колыбельным клубится напевом.

Среди голых деревьев, впадающих в сон,
сумасшествием кажется это цветенье.
И крестилась старушка, косясь в небосклон,
ожидая небесного мщенья...

А ранетка цвела! Не предвидя невзгод,
озаренная внутренним светом.
Как улыбка человека, который умрет
на этой неделе, не зная об этом.

ПРОТЯЖКА ГАЕК

Вот мы взяли ключи...
Вот мы гаек набрали...
Вот пошли не спеша вдоль пути...
Потому не спешим,
что идем не на праздник,
а крепежные гайки крутить.
...Заскрипели болты,
так протяжно и нудно,
скрежет их — аж до боли в зубах.
Растянулась на час
по спирали минута,
греет гайки тугая резьба.

Выпрямляется путь!
Мертво стяжками схвачен.
Взбухли жилы на мускулах рук.
Но в упругую сталь
до упора накачен
ограниченный и яростный звук!

Путь настроен! А нам
от усталости — тесно.
Эх, сейчас бы на сутки привал!..
В рельсах зрел до поры,
словно в трубах оркестра,
патетической музыки шквал!

ЦВЕТЫ НА ОТВАЛЕ

...Светились, и пели, и были
не хуже, чем где-то в лесу.
Дыща креозотом и пылью,
Роняли на камни росу.

Отвалы — горелые камни!
Какие здесь песни, житье?..
Цветы остаются цветами —
отечество красят свое.

* * *

Передовому
машинисту экскаватора

Когда герою приз вручали
за перевыполненный план, —
то под породю кричали
кусты, деревья и бурьян.

Когда пожали крепко руку
и дали слово, в этот миг
как будто вздрогнул лес в округе
и обреченно, глухо сник.

Он кончил речь под гром оваций.
Неравнодушный ко всему,
я тоже хлопал, но признаться,
я не завидовал ему.

Хоть понимал, что люди эти
ему признательны до слез,
в тепле сидящие при свете
свечей раздавленных берез...

Он уходил в работы буден,
теряясь в горестном дыму.
Он был мне вовсе не подсуден
и, может, даже никому.

Ижморская
централизованная
библиотечная
система

ИНЗ. № 17

2958

В. И. Нестерову

Льет породу в рощу экскаватор,
Поднялись отвалы позади.
Все равно я буду виноватым,
Хоть сияет орден на груди...

Подберу к мелодии металла
молодой черемухи слова.
Свет заводов вспыхнет до Урала,
но цветы погаснут и листва...

Видно, так начертано судьбою,
и скажу известною строкой:
людям свет несу одной рукою —
высыхают реки от другой.

Не преувеличиваю долю,
загадала так Природа-мать:
нянчить свет удобно мне в ладонях,
но — топор убийственный держать?..

Окраина слабого света над голым
отвалом и ревом машин и огней.
Вдруг сердце зашлось, и я понял, что голо
природа дала мне, чтоб молвить о ней.

Пробились березы сквозь камни и пепел!
Взошли — и родительский свет зазнобил..
И этот упрямый березовый лепет,
я сам, не пойму отчего, полюбил...

Наверно, они не могли не родиться,
Наверно, и живы они потому,
чтоб нам — неразумным — не заблудиться
душой не оглохнуть в камнях и дыму.

ЗНАМЕНИЕ

Бабка Лукониха видела Бога.
Видела дважды: на зорьке и в полдень.
Бог поднимался по волчьему логоу
с сияющим нимбом и в белом исподнем...

С утра обошла все дворы и селянам
гуторила новость про чудо святое:
— Гляжу, он идет. Нет, плывет над поляной,
а над головою — кольцо золотое...

И робко вздыхая, крестилась на горы.
Ее утешали резонно старухи:
— Знать, сыну Валерке — амнистия скоро,
иль будет от дочки письмо из Мозжухи...

Наверно, ей это приснилось, поскольку
старуха — одна... Да и Бог по рассказу
был очень похожим на Климова Кольку,
который ей уголь привез на «БелАЗе».

СЕНО

Пахучее, словно минута,
пролившаяся из июля,
Озвучено зноем и смутой,
как пчелами вечером улей.

До стайки идешь тропою,
и видится жаркое поле;
как будто несешь над собою
навьильник высокого полдня...

К охапке пахучего света
Потянется робко теленок,
а куры кудахчут, как летом,
в траве заблудившись зеленой...

ПЕТУХ

Часы подчинялись суровым глазам
в ознобе мерцающих линий,
Пока ночь бродила по снежным лугам,
с окошка выклеывал иней.

Он как Зодиака тринадцатый знак,
царящий в течение года...
Заглатывал воздух, и трудно шел мрак
сквозь косноязычное горло.

И только восток теплотой задышал
сквозь неба прозрачную льдину,—
к нему из небес возвращалась дуна,
сворачиваясь в пружину.

Проклюнется свет, и запущен завод,
и тело— дрожащей ракетой!..
И горло срывая, на перья прольет
задорные краски рассвета.

ОСЕННИЙ ЗАКАТ. ВСПАШКА

По жнивью борозда, как стрела на пределе
в натянутом луке долины.
Прольются глаза в направлении цели —
откликнется клекот былинный.

Седым ковылем прикоснется к коже
догадка о вечном и главном.
Окатит ознобом так странно похожим
на прерывистый плач Ярославны...

Будет холод...

Закат журавлиным напевом
растворился во мгле золоченой.
И медленно справа и медленно слева
надвигается занавес черный...

ЕЛЬ. ЗИМНЯЯ ПОСАДКА

Ее сонную взяли в морозном лесу,
осторожно поставили в кузов...
Как на зыбких ветвях — ее сны на весу,
а сама уже — бережным грузом...

Зеленстроевский мастер на лунку кивнул—
посадили у бровки кювета.
День озябший и сонный устало зевнул,
Дверь закрыл и уснул до рассвета...

По весне ель открыла ресницы-хвою,
потянулась и вдруг обомлела:
вместо милой опушки — в кирпичном краю...
В крик беззвучный ударилось тело!

В лес рвануться бы ей — держит крепко песок,
Ни уйти, ни завянуть от боли!..
Пили корни слепые живительный сок,
непослушные чувству и воле.

Профессию престижную — к чертям!
 Приличная зарплата — для лукавых!
 Пошел он с тепловоза на «путя»
 за счастьем производственным и славой.
 (А может быть, он вспомнил свою мать,
 когда смотрел так долго из кабины
 на женщин, что шли путь перешивать,
 под тяжестью ломов сгибая спины?)
 Согласно росту молот подобрал
 и овладел искусством перешивки.
 Он с одного удара загонял
 костыль с таким изяществом и шиком!
 Он делал путь, не тратя разговор,
 надежно, по стандарту, безупречно.
 И с ним теперь наш строгий ревизор
 стал за руку здороваться при встрече.
 И выполнил досрочно план карьер,
 и реже стали «сходы» на отвале,
 его повсюду ставили в пример —
 награды тепловозникам вручали.
 Работой ему было нелегко
 доказывать другим: что́ здесь — важнее!
 Но женщины в присутствии его
 старались быть красивее, нежнее.

**ВАРИАЦИИ НА ТЕМУ:
«ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ РОК
ДЛЯ ВЕРСТАКА»**

...Пилы настроены.

Все на местах.

8-00 — звонок.

Мы начинаем на верстаках

«Производственный рок».

**И... взвизгнул рубанок, задорен и горд,
пахучею стружкой взметая аккорд,
следуя ритму, в мажорный поток
звуки гвоздями всадил молоток,
мотив обретает и форму, и плоть,
надежен и прочен — не расколоть!
Душа выплывает, парит высоко,
как белая муза над верстаком...**

**Настройте трубу на волну верстака,
прислушайтесь к вечному зову!
Наш голос, прорвавшийся издалека,
встревожит вас плачем ножовок!
Услышьте, как стонут, тайгою дыша,
протяжные стройные плахи!
И вас не спросив, будет рваться душа —
над плахой молиться и плакать!**

**Мы — родник ваших крыл, и вина ль родника,
что стихией ему неподвластна река?
И уходят глаза в благозвучный предел,
а глас верстака о любви к вам пропел...**

**Верстаку — верстаково, но болью очнись,
творящий в экстазе картины!..**

**Но... в кровь верстака опускается кисть,
и пишется смех балерины...**

**Мир вам, «диско» и «рок»,
лишь бы пела любовь,
лишь бы главное было основой:
наш верстак, он — один из китов,
на котором — Искусство и Слово.**

...Окончен концерт.

**Аплодисментами — тишина.
Фрак в опилках вешаю на гвоздик.
Выйду из зала в мир!**

**В мире — весна,
дождик.**

**Домой возвращусь и развеять тоску
цветной телевизор включаю...
И песенку про светосфор
к верстаку
и эдак и так примеряю.**

ВСПАШКА ЗЯБИ

* * *

По каким-то незримым приметам
вдруг проступит былая стезя...
Забродила душа моя светом,
словно солнцем осенняя зябь.

Будет все: и любовь и остуда,
снизойдут и почет и хула.
Только зябь я уже не забуду,
здесь особая гордость была!

Эта гордость не раз возродится,
светлым эхом откликнутся дни,
где была борозда словно птица
с золотыми крылами стерни,

где доволен был волей и долей,
где в рассвет уносила стерня!..
Так вдруг явственно вспомнится поле,
словно вспомнило поле меня.

СТАРШИЙ

I

Всего на год меня постарше,
но был со мной довольно строг.
Он научил во время вспашки
не перепаживать дорог.

— Трудись на совесть, горожанин,
знакомься с нашим ремеслом.
Поможешь нынче с урожаем,—
спасибо скажем всем селом.

Какой-то странный он, ей-богу!
И пафос слов — невесть к чему?..
Он говорил высоким слогом,
так было свойственно ему.

В нелепой курточке и грязной
он удивлял меня не раз
глубокомысленною фразой
и непонятым блеском глаз.

II

...Мы с ним всю ночь под звездным небом
пахали гурьевскую падь.
Он там сказал, что перед хлебом,
как перед богом, не соврать.

И знал об этом...

Остывали,
нагревшись за ночь, трактора,
и звезды росами дрожали
в озябшем небе сентября.

Так было тихо, что я слышал,
как возвращались в небо сны
и как земля в лицо мне дышит
ознобным мраком глубины.

Мы долго молча отдыхали
и в предрассветной темноте
на пашню взгляды обращали —
тонули взгляды в борозде.

И он сказал, чуть заикаясь,
сдувая пепел с рукава:
мол, в этот час земля вдыхает
в людей высокие слова.

Мне то наивным не казалось,
я сам почувствовал уже:
всё, что землею выдыхалось,
родным откликнулось в душе.

Светилось небо васильками,
в себя вбирало поле свет,
картины прошлого мелькали,
как будто тысяча мне лет.

И клин (я в это верил свято),
что удалось мне распахать,
вполне достаточная плата
за то, чтоб жить мне и дышать.

III

Он через год погиб на пашне.
Сомкнулись в поле рубежи.
Он был на год меня постарше.
Теперь я знаю: на всю жизнь.

Я на него не стал похожим,
хоть завещали так поля.
Лишь стало небо чуть построже
и чуть задумчивей земля...

* * *

Я мотор и узлы проверяю,
правит счастье моею душой,
оттого, что земля — не чужая,
оттого, что земле — не чужой.

На земле и на сердце — спокойно.
Вдаль на север плывут облака.
Слышно только, как с шорохом хвой
дозревает пшеница в валках.

Прислоняюсь щекою к капоту,
дышит жаром устало металл.
Я закончил сегодня работу,
я еще одно поле вспахал...

Льется птички невидимой соло,
блещет золотом осень в кустах,
отражается весело солнце
в лемехах, как в пяти зеркалах.

* * *

Вспашка зяби, вспашка зяби,
на ветру деревья зябнут,
крик срывается с ветвей.
И стоят они в багрянце,
словно всплеск протуберанцев
над затмением полей.

Вспашка зяби, круг за кругом
воронье за каждым плугом
то садится, то взлетит.

**Скоро будут снег да выюга,
снова праздная округа
обретает строгий вид.**

**Вспашка зяби, за тобою
борозда легла строкою
в оглавлении к судьбе.**

**А потом, пройдя невзгоды,
зашумят весною всходы
и расскажут о тебе...**

**Вспашка зяби, круг прощальный
в мягких гребнях борозды,
Снов очерчены границы,
зябрь — последняя страница
в краткой повести страды.**

У деревни моей — голубые глаза,
петухами расшитый рассвет,
Там большая дорога спешит на вокзал,
а тропинка — бредет в сельсовет.

У деревни моей — огороды, сады
и немалое стадо коров.
Кур полно в лопухах, а в колодках во
только нету своих пастухов.

Ей иметь пастухов — нынче уж не рез,
не престижная должность, увы...
Скот цыгане пасут и берут за сезон
по пятнадцать рублей с головы...

Деревенька моя на дорогу глядит,
письма вновь перечтет от родных.
У деревни моей чай разлит на двоих,
хотя стол на десяток накрыт.

У деревни моей молодые слова

Старухе этой — девяносто с лишним.
Уж немощна она да и слепа.
Но, видно, бережет ее всевышний, —
для смерти не протоптана тропа.

Живя в квартире дочери и зятя,
свободная от кухонных забот,
она молчит в каморке виновато,
что век чужой давно уже живет.

Ей совестно за немощность и кашель,
и потому, украдкой от родни,
она на ощупь протирает кафель,
передвигаясь робко вдоль стены...

А по ночам — к всевышнему старуха
зывает все грехи ее простить.
И — умереть, пока тепло и сухо,
Чтобы зимой могилку не долбить.

У ВЕЧНОГО ОГНЯ

Стояли мы, в суровый строй сомкнуты,
и тишину держали на плечах.
Когда царит молчания минута,
то говорят убитые в боях.

Дышало пламя...

Сердце обжигая,
касалась нас далекая война.
В гранитном небе, золотом мерцая,
глядели непришедших имена.

Текла минута медленно и строго.
Светилось время прошлое во мгле...
И думал я о Родине, дороге
и понимал, зачем я на земле.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

И вот после долгих разлук
вернулись в родительский край!..
Сходил с эшелона на круг,
сверкая медалями, МАЙ.

...Взлетит захмелевшая медь,
заплачет счастливая мать.
И будут мальчишки жалеть,
Что им не пришлось воевать.

* * *

Дроблю мгновенье по крупницам,
до крохотного ядрышка дроблю.
И вот она! — мельчайшая частица
с отверстием.

В отверстие смотрю:
огромный мир зеленым светом залит,
веселый свист разносится в лесу,
С самим собой — лицом к лицу
столкнусь я и замру...

Трехлетний карапуз глядит из-за калитки на меня...

ДИАЛЕКТИКА

Чтобы охотники не перевелись,—
на то в лесу и стая лис...

Как в парниках для красных роз
подкормкой выложен навоз,
так для развития Природы
необходимы антиподы:

Веселью — Скука,
а Свету — Тьма,
Любви — Разлука,
Золя — Дюма.

А чтобы Умный был на троне,—
необходим Дурак на фоне.

И Правдолюбцу — Ложь на пользу,—
сбирать плоды на бранном поле.

Нужна и Подлость Благородству,
чтоб Рыцарь ясно видел рост свой.

...Мечтаю весело пожить!

Но мне — я искренне, поверьте! —
необходима мысль о смерти,
чтобы о главном не забыть.

ГИПОТЕЗА

Я подобрал железку. Повертел.
Затем всмотрелся пристально в железку:
движенья атомов и прочих малых тел
в пространстве беспредельном всплыли резко.

Железкин космос со Вселенною был схож!..

Подумалось: возможно, Космос наш —

кусок металла тоже?

Подкова на копыте жеребца, бегущего в пространстве
к смутной цели?..

Я так далеко мыслями забрел,
что незаметно вышел из Вселенной...
Передо мной шиповник дикий цвел,
черемуха кипела белой пеной
за кузницей. А в кузнице кузнец
выковывал подкову... Из металла
плач доносился... Резвый жеребец
тряс беспокойно буйной гривой,
и в груди его красивой
обломком мироздания ночь мерцала...

У меня в квартире — лук на полу,
блики знойные колышутся в углу,
блики знойные, как радужный сон,
что далеким детским солнцем озарен.
Лук ядреный полон силы налитой,
загорелою сияет кожей!
Вот жена его за хвостик берет,
вот на кухню, словно лампочку, несет!
Только ножик прикоснется к коже —
брызги солнечного сока до дверей!
И жена уронит ножик в слезах,
но лучатся ее праздником глаза.
А от лука после лезвия ножа —
две улыбки белозубые лежат.
Колокольчиками форточка звенит,
на клеенке лучик солнечный дрожит!..
Я прислушаюсь, дыханье затая:
правит в доме спелый голос бытия...

* * *

Т. Д.

Вам нравится цветение
и вздохи мая томные.
А мне — дожди осенние,
речные лодки темные...

Иду в дожди ненастные,
шуршит листва опавшая,
и без вести пропавшие
душой моею властвуют...

И так тревожно дышится,
проступит высь без имени.
И строки кровью пишутся,
умом необъяснимые.

ТРИ ЭТЮДА О КАМНЕ

Серый камень возник на дороге...

В. Щелканов

I

ВИД ПРЯМО

Былинным эхом обожгло!..

В корнях его суровых

наверх молчание текло

из тайн средневековых.

Какие годы шелестят

в траве испитой зноем?

Лишь ворон, словно чей-то взгляд,

мерцает над покоем.

Тревогой сердце опалит

горячей и полынной.

И кровь моя заговорит

закатом журавлиным,

и ожиданье вещих слов,

и то, что сон прервется...

Миг оглянется в глубь веков

и камнем обернется.

II

ВИД СВЕРХУ

Был гром, и гром недогремел,

обломком рухнул в поле.

И обозначился предел

желаниям и воле.

Заветный глас моей судьбы
в пыли горячей канул.
Впадают в камень три тропы,
и ни одной из камня.

Хранитель даты смерти!
Воскреснет дней моих табун
за каменную твердыю!

Вдохну небесный синий звон,
и взгляд мой в камень льется.
С одной надеждою, что он,
как бездна, распахнется.

III

ВЛАСТЬ КАМНЯ

Дорога в камень... Смерти нет,
и смысла нет, и бога.
Седой ковыль, зеленый свет
и вечная дорога...

Доспехи, конь, копье в руке
остались тенью грома.
Шагает витязь налегке
в одеждах Минлегпрома,

Вдоль осуждающих зевак,
призывов и плакатов.
Горит наитья вещий знак
в сентябрьских закатах.

Как все избито и старо,
в чем новизна ответа? —
Падет стервятника перо
с крыла тысячелетий.

Из темной крови проросли
былины и преданья.
На что ответить не смогли,—
вложили в серый камень.

И волей камень обладал,
и мхом дремучим обрастал...

Пожалуйста, не хмурьте заранее брови,
оттого, что я часто сбегаяю из дома.
Поговорите с моей темной кровью,
уважаемые члены парткома.

Там, за карьером — росистое поле,
воздух смутной тревогою болен,
кто-то в дудку зеленую свищет —
это душу мою ветер с осени ищет...

Понимаю... — Оторван от жизни и правды,
надо свет воспевать, перестраивать массы.
Но зовут меня в гости высокие дикие травы
и ночами все снится утопленник Вася.

Он выходит из темной воды почему-то
и подолгу стоит у дорожной развилки.
То ли в нашей реке ему стало совсем неудобно,
То ль его на холме обветшала могилка...

* * *

Вот капуста подросла,
заняты все рубкою.
Мы с братишкой у стола
кочерыжкой хрумкаем.

Он росточком-то всего
с детскую коляску.
И рубашка у него
«самая моряцкая».

...Протекут рекой года,
дни нахлынут серые.
Брат мой канет без следа
на далеком Севере...

Отчего заговорил
и тоской наполнился?
Кочерыжку надкусил,
и — братишка вспомнился...

ПРЕДЗИМЬЕ

Истошные визги свиней
висят целый день над деревней.
И запах, дразнящий и дребний,
плывет на мороз из дверей.

Заколот откормленный хряк,
ныряет тесак за кадушку.
И дед бородатый из кружки
пьет теплую кровь натошак.

Распахнута туша, и нам
поверилось в тайные силы.
И печень дымится кадилом,
и облачком — дух кабана...

Закончены наши труды,
готовится пиршество в доме.
Лишь пепел сгоревшей соломы
во льду, словно знаки беды.

Как знобко мне сегодня в этом доме.
Ношу в себе неясную вину:
мне в эту ночь так явственно и долго
всё снился брат, который утонул.

В мой выплыл сон, как на берег спасенья,
разговорился, жив и невредим.
И я не верил, что водой осенней
сомкнулась крыша вечная над ним.

Осеннее предчувствие расплаты,
сквозь сердце ток щемящих тайных сил.
Как будто это я приснился брату,
за то, что я его почти забыл...

КАК РАБОТАЛ Я С МАГНИТНОЙ ПЛИТОЙ

**Я работал плитой.
О-го-го, выдавал!
Жаль, не видел никто,
как железо кидал**

**из вагона — в вагон,
только грохот стоял!
Всех святых и богов
наверху распугал.**

**Я магнитом металл,
словно рыбу, ловил,
заводил и кидал
и опять заводил!**

**Колдуном-громуном
я казаться хотел,
колдовал рычагом,
что-то страшное пел.**

**Что-то пел, грохотал
да хвалился собой,
лучик шустрый такой
на стекле танцевал!**

**Я работал бегом,
пот катился с лица.
Незаметно вагон
разгрузил до конца.**

**И народ приходил,
«О-го-го! — мне кричал.—
Весь вагон разгрузил,—
кто ж тебе помогал?»**

**Я курил не спеша,
говорить не хотел,
просто пела душа,
потому и сумел.**

СНЕГ ШАХТЕРСКОГО ГОРОДА

**Черный снег, черный снег, черный снег,
под ногами устало скрипит.**

**Он сойдет, он сойдет по весне,
а во мне он залег — не избыт,**

как вина за себя ль, за чужих?

Он скрипит над душою моею!

**Я боюсь, что отпущенных дней
мне не хватит его пережить...**

Оглянусь и ослепну на миг:

пробивается девственный свет,

**словно детский пронзительный крик,—
на снегу мной оставленный след...**

БЕЛОВО

Копры, терриконы, трубы.
Серый ослепший снег.
Дóрог шахтерский рубль,
долг России свет.

Уставший от штурмовщины,
лимитов и очередей,
все гонишь и гонишь машины
в пространствах земли своей.

Кричит о погонных метрах
газетная полоса.
Врастаешь корнями в недра,
кроной дымов — в небеса.

И дума не о награде —
о планах в речах сквозит...
О богом забытом граде
церквушки свеча горит.

Судьбою своей ответил
за долгий России свет:
играют в шахтеров дети,
в парках ослепший снег.

Не склонный считать потери —
казенный придет ответ.
На детях, труде и вере
замешан рожденный свет...

Не просим любви у неба,
хоть там у седых деревень
припас голубого снега
декабрь на черный день.

У памятника М. Волкову
в СПТУ города Березовского

Казалось: он стоял веками
большого зала посреди.
И, как ребенка, черный камень
держал у бронзовой груди.

Перед грядущим, как пред богом,
предстал, развеяв мрак и тьму.
Стоял и всматривался строго
в тех, кто входил сейчас к нему.

Перед распахнутою дверью
глядел из бронзы на людей.
Он размышлял: кому доверить
бесценный дар земли своей...

Вручил в уверенные руки,
кивнув на сумрачную даль.
И целый край обрек на муки,
на славу, гордость и печаль.

НА ДИСКОТЕКЕ

Увидел за гримасами лицо
с такими безутешными глазами,
когда цветастой музыки кольцо
кружилось над танцующими в зале.

Гримасам подражало неумело,
кривлялось и дурачилось оно.
И так по-человечески жалело,
что быть на всех похожим не дано.

ОДИНОЧЕСТВО

Я случайно, внезапно вошел в этот снег :
стыли сумерки в белом ознобе.
Заблудившийся в поле стоял человек,
утонув по колени в сугробе.

Ни следов, ни примет, только снега игра,
и повсюду ни капельки света!..
И казалось, что я уже умер вчера,
а сейчас только понял я это...

И прорезался «скорый», как вспышка огня
И — погас... Звук распался в отрогах.
И опять — белый мрак, и опять — тишина,
ни следов, ни надежд, ни тревоги...

Лишь остался в душе, словно след ножевой
снег, дрожащий над полем ознобом!..
В предпоследнем вагоне я ехал домой
и на поезд глядел из сугробов...

* * *

Незаметно грубеет, грубеет душа,
ко всему, ко всему привыкает.
Мертвый голубь лежит — прохожу не спеша
и душа безмятежна, как камень...

То ль готовлю себя — в себе жалость круша —
к предстоящим потерям, несчастьям?..
Незаметно грубеет, грубеет душа, —
птицы мертвые — чаще и чаще...

ПОСЛЕ ГРОЗЫ

Открылись неба ясные глаза,
запели краски радуги над домом.
Брела на запад медленно гроза,
окрестности облаивая громом.

Дымился под лучами чернозем,
ручьи спешили весело к обрыву.
И наливалась жгучим кипятком
глухой стеной стоящая крапива.

Закопошились куры в лопухах,
томился запах сена под навесом.
И не успев обсохнуть, на глазах
ржавело возле кузницы железо.

Кипела в палисаднике сирень,
и, затаив дыхание, Природа
смотрела на умытый ясный день,
как на младенца после трудных родов.

С удочками
 утречком беспечно
 огородами и прямиком
 направляюсь к негромкой речке,
 протекающей за тальником.

Проверяю крючки и насадку
 и забрасываю у кустов.
 А потом достаю самосаду —
 средство верное от комаров!

Клев — хорош! Значит, день будет добрым.
 Заливается птица в кустах.
 Я глаза примостил поудобней
 на спокойных пока поплавках.

На душе, как на небе, — чисто.
 Тихо время уносит река.
 Лишь мгновенья — ельцом серебристым —
 затрепещут, срываясь с крючка.

Мне припомнилось: дом в полудреме
и неслышная поступь шагов.
Я несу тебе ветки черемухи
из чужих, очень строгих садов.

Ты навстречу букету и вечеру
на скрипучее выйдешь крыльцо.
И насмешливо, недоверчиво
в мое алое глянешь лицо.

Взяв черемуху, и — как обычно —
будешь долго молчать, а затем
ты мне скажешь, что красть неприлично
и что я еще глупый совсем...

Ухватив торопливо за локоть,
обжигая, кружа и пьяня,
поцелуешь — и выющийся локон,
словно током, ужалит меня!

И счастливый, мечтами расцвечен,
возвращаюсь в хмельном кураже!..
И не знал я, что ты в этот вечер
уезжала с другим на «ИЖе».

* * *

Не все потеряно пока:
стоят дома над тихой речкой,
цветут подсолнухи, и вечер
тебя вернет издалека

на деревянный тротуар,
под сень совхозного амбара,
где я играю на гитаре
армейский свой репертуар...

Опять на родине моей
птенцы чирикают на ветках
и наливаются ранетки
сладчайшей горечью лучей!

Не всё потеряно пока:
шумят березники, как прежде,
воспоминанья и надежды
из одного быют родника,
и снова в августовской мгле
березок свет в луга пролился...
Как счастлив тем, что я родился
на этой именно земле!..

Ничего от удачи и Бога
и от прочих таинственных сфер.
Просто выпало: дом и дорога,
уводящая на карьер.

Здесь земля, что дала мне силы,—
рев БелаЗов, отвалы, дым —
если чем и была красивой,
то людьми да углем своим.

Но мечталось, и в люди вышел,
овладел непростым ремеслом.
Ну, а что соловьев не слышал,
и сейчас не жалею о том,

коль хватило любви мне и света,
чтобы песнею стать и судьбой:
экскаватору, пыльному ветру
и отвалу с полынной травой...

Ничего от удачи и Бога
и на случай не стоит валить.
Просто выпало: дом и дорога.
Просто выпало: строить и жить.

СОДЕРЖАНИЕ

Валентин Махалов. О чем тревожится душа?	3
«Пой мне, дудочка зеленая, играй!..»	6
«Кран доверили мне заводчане!..»	7
«Своего я отыскал бога...»	8
Дядя Миша	9
Рабочий	10
«Доплывет из полей тихий запах полыни...»	11
«В Мамонтово, у пионерского лагеря...»	12
«Распустилась ранетка накануне снегов...»	14
Протяжка гаек	15
Цветы на отвале	16
«Когда герою приз вручали...»	17
«Льет породу в рощу экскаватор...»	18
«Окраина слабого света...»	19
Знамение	20
Сено	21
Петух	22
Осенний закат. Вспашка	23
Ель. Зимняя посадка	24
«Профессию престижную — к чертям!..»	25
Вариации на тему: «Производственный рок для верстака»	26
Вспашка зяби	28
«По каким-то незримым приметам...»	28
Старший	28
Я мотор и узлы проверяю...»	31

«Вспашка зяби, вспашка зяби...»	31
«У деревни моей — голубые глаза...»	33
«Старухе этой — девяносто с лишним...»	34
У вечного Огня	35
Возвращение	36
«Дроблю мгновенье по крупицам...»	37
Диалектика	38
Гипотеза	39
«У меня в квартире — лук на полу...»	40
«Вам нравится цветение...»	41
Три этюда о камне	42
Вид прямо	42
Вид сверху	42
Власть камня	43
«Пожалуйста, не хмурьте заранее брови...»	45
«Вот капуста подросла...»	46
Предзимье	47
«Как знобко мне сегодня в этом доме...»	48
Как работал я с магнитной плитой	49
Снег шахтерского города	51
Белово	52
«Казалось: он стоял веками...»	53
На дискотеке	54
Одиночество	55
«Незаметно грубеет, грубеет душа...»	56
После грозы	57
«С удочками утречком беспечно...»	58
«Мне припомнилось: дом в полудреме...»	59
«Не все потеряно пока...»	60
«Ничего от удачи и Бога...»	61

Литературно-художественное
издание

Коврижных
Виктор Анатольевич

**Я, НАВЕРНО,
РОДИЛСЯ НЕ ЗРЯ**

С т и х и

*В кассете «Я знаю,
что так не бывает...»*

Ведущий редактор **Т. И. Махалова**
Художник **Е. Ф. Зайцев**
Художественный редактор
В. П. Кравчук
Технический редактор
Г. Н. Манохина
Корректор **Л. В. Волковская**

ИБ № 1430

Сдано в набор 20.11.89. Подписано
к печати 25.04.90. ОП03560. Фор-
мат 70X90^{1/32}. Бумага типографская
№ 1. Гарнитура Манго. Печать
высокая. Усл. печ. л. 2,34. Усл.
кр.-отт. 2,52. Уч.-изд. л. 1,84. Ти-
раж 4000 экз. Заказ № 5118. Цена
20 к. Цена комплекта в супероб-
ложке 1 р.

Кемеровское книжное
издательство.

Кемеровский полиграфкомбинат.
Адрес издательства и типографии:
650059, г. Кемерово,
ул. Ноградская, 5.

